

На правах рукописи

Протоиерей Евгений Геннадьевич Горячев

**Представления о крови в
Пятикнижии Моисея**

Специальность – библеистика

**Автореферат
диссертации на соискание ученой степени
кандидата богословия**

Санкт-Петербург

2016

Работа выполнена на кафедре библеистики ДОО ВО «Санкт-Петербургская Духовная Академия Русской Православной Церкви»

Научный руководитель:

архимандрит Ианнуарий (Ивлиев)

кандидат богословия, профессор, профессор кафедры библеистики Санкт-Петербургской Духовной Академии

Официальные оппоненты:

Мирко Томасович

доктор теологии, профессор кафедры Нового Завета Православного богословского факультета Университета г. Фоча (Республика Сербия)

Алексей Сергеевич Кашкин

кандидат богословия, заведующий кафедрой библеистики, доцент кафедры церковно-практических дисциплин Саратовской духовной семинарии

Ведущая организация: ЧОУ ВО «Русская христианская гуманитарная академия»

Защита состоится «23» декабря 2016 г. в 15-00 на заседании диссертационного совета по богословию и библеистике Санкт-Петербургской Духовной Академии по адресу: 191167, Санкт-Петербург, наб. Обводного канала, д. 17, СПбДА, актовый зал.

С диссертацией можно ознакомиться в библиотеке Санкт-Петербургской Духовной Академии и на сайте www.spbda.ru.

Автореферат разослан « ____ » _____ 2016 г.

Ученый секретарь диссертационного совета
кандидат исторических наук,
кандидат богословия

прот. К. А. Костромин

I. ОБЩАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА РАБОТЫ

Слово кровь употребляется в Библии достаточно часто, больше четырехсот пятидесяти раз, но среди всех буквальных и символических упоминаний, безусловно, имеются ключевые, такие, в которых библейские представления о сущности крови и ее месте в мироздании словно сконцентрированы. Значительная часть из них приходится, как известно, на Пятикнижие Моисея. Первые пять книг Священного Писания не только формируют основу древнейшего понимания феномена крови, но и создают устойчивые семантические ориентиры для использования этого слова в более поздних богодухновенных источниках. Евангельское повествование вносит в эту тенденцию определенную новизну, своего рода доктринальную метаморфозу, но эта новация не может быть адекватно исследована библеистами вне ее детального сопоставления с предшествующей дохристианской традицией. Поэтому оригинальные комментарии к важнейшим ветхозаветным представлениям о крови (в указанных текстовых рамках) стали основной частью данной работы.¹

Объектом настоящего исследования являются первые пять книг Священного Писания Ветхого Завета.

Предметом данного исследования может быть назван комплекс представлений о крови, зафиксированный в указанном источнике.

Актуальность и практическая ценность темы исследования. Фактическая значимость заявленной темы

¹ Автор не умаляет семантической и дидактической ценности всех пропущенных им фрагментов Пятикнижия, прямо или косвенно касающихся этой же темы, однако в диссертации вынужден сосредоточиться лишь на тех библейских цитатах, которые, по его мнению, являются ключевыми. Таким образом, представленное в этой работе «богословие крови» имеет отправной точкой только концептуальные выражения и сюжеты первых пяти книг Ветхого Завета.

выражается, во-первых, в том, что в отечественной библеистике она мало изучена как самостоятельная, и уже в силу этого представляется интересной для любого пытливого христианского ума. Во-вторых, данная тема является перспективной и в чисто конфессиональном плане, поскольку опыт ее критического уяснения, может быть полезен не только для отвлеченной научной экзегетики, но и для практических сторон современной церковной жизни. Например, автор убежден, что достоверно интерпретированные принципы библейского восприятия крови могут оказать существенное влияние на православную литургику, каноническое право, а также на приходское пастырское служение.

Цели и задачи исследования. Среди важнейших вопросов, имеющих прямое отношение к феномену крови, зафиксированному в Пятикнижии Моисея, можно назвать следующие:

- насколько физическая кровь действительно связана с невещественной человеческой душой (*ср. Быт. 9: 3; Лев. 17: 11; Втор. 12: 23*);

- почему запрет на бытовое неритуальное употребление крови назван в Пятикнижии «установлением вечным» (*Лев. 3: 17*);

- вносят ли, предписания о так называемой «женской нечистоте» некие онтологические инверсии в ветхозаветное понимание крови, вследствие чего однородное биологическое вещество сознательно провозглашается либо «священным» (*Лев. 8: 15*), либо, наоборот, «нечистым» (*Лев. 15: 19*);

- нет ли определенного влияния на библейское отношение к крови со стороны древних религиозных культур, не вошедших в сферу избирательного действия Божественного Откровения; другими словами, насколько похожи рассматриваемые нами сюжеты и предписания на некоторые кровавые ритуалы, существовавшие в историческом язычестве;²

² Для того чтобы выяснить всегда ли тождество ритуальных форм является тождеством религиозного содержания, автор исследования аналитически

• имеется ли у библейских представлений о крови, содержащихся в Пятикнижии, единый смысловой центр, объясняющий многочисленные случаи ее ритуального использования, или же восприятие данной субстанции изначально дифференцировано, вследствие чего каждый отдельный эпизод с упоминанием крови необходимо понимать самостоятельно?

Стремление убедительно разрешить эти и другие сложные вопросы (непосредственно связанные с темой крови или проистекающие из специфики указанного библейского контекста) является главной научной **целью** и фактическим перечнем ключевых **задач** этой работы.

Методологическая база исследования. Указанный перечень основных и вспомогательных целей и задач этого исследования определил и круг научных методик, которые

сопоставлял небиблейские кровавые обряды с однотипными действиями, зафиксированными в тексте Торы (например, в отрывках: *Быт. 4: 10–11; Исх. 24: 4–8; Лев. 15: 26; Чис. 35: 33; Втор. 21: 1–9* и др). Общая схема такого сопоставления представлена в диссертации следующим образом: в начале первых двух разделов нами анализируются культовые традиции тех народов, которые древним израильтянам были наверняка известны, затем автор проделывает то же самое в отгашении этнических сообществ, хотя и не имеющих с древними евреями прямых исторических контактов, но чьи идеи и ритуалы, связанные с кровью могут послужить для нас чрезвычайно значимым вспомогательным материалом. Следует заметить, что подобный метод уже давно успешно зарекомендовал себя как в церковном богословии, так и в научном религиоведении. Вот лишь несколько цитат, говорящих о его продуктивности. «Из одного культа можно, до известной степени, постигать и культы иные, других времен и других религий, руководясь жизненными аналогиями... Но для этого непременно требуется точка опоры в каком-либо конкретном культе». *Флоренский П. свящ.*, *Философия культа*. Серия: «ФН». М., 2004. С. 48; «Понять религиозные представления далеких арабских племен важно потому, что это проливает свет на природу человека и на природу религиозного опыта». *Ср. Smith W. R. The Religion of the Semities*. L., 1889. S. 48; «Антитезы крови и воды, природы и благодати, свободы и необходимости..., все это может стать яснее, если использовать полинезийские или центральноафриканские интерпретации близких сюжетов». *Ср. Дуглас М.* Чистота и опасность. Анализ представлений об осквернении и табу. М., 2000. С. 28.

использовались автором в процессе написания диссертации. Помимо специальных (собственно библейско-богословских) традиционных способов интерпретации Священного Писания в остальных небиблейских частях работы автор прибегал к историко-филологическому и сравнительно-аналитическому методам изучения собранного материала. При этом, говоря о герменевтическом и экзегетическом традиционализме, необходимо подчеркнуть, что метод так называемой «предпосылочной феноменологии», к которому автор постоянно обращался в процессе создания оригинальных тематических комментариев, является вполне аутентичным не только с точки зрения формальной логики, но и со стороны его укорененности в Священном Предании Православной Церкви.³

Степень изученности темы. Как уже говорилось, в отечественных библеистике и религиоведении нет специальных работ, посвященных структурному изучению феномена крови в Пятикнижии Моисея. Конечно, многочисленные светские и церковные авторы не могли пройти мимо данной проблематики вовсе, поэтому в их богословских и культурологических сочинениях (как в дореволюционных, так и современных) встречается очень много ценного, но, увы, фрагментарного материала, которому никто из них не захотел придать характер теоретического обобщения, сохранив при этом, самое внимательное отношение к частным деталям.⁴

³ В сжатом виде данный метод может быть охарактеризован как непротестантский экзегетический субъективизм, базирующийся на разнородном предпосылочном знании, которое прежде своего вспомогательного использования обязательно должно быть соотносено с авторитетным церковным Преданием. Подробное описание этой методики, а также аргументированное обоснование ее практической целесообразности и конфессиональной легитимности можно найти в основном тексте диссертации, в тематическом *Приложении N 2*.

⁴ Достаточно вспомнить таких именитых исследователей библейского текста как: святитель Филарет Московский, В. С. Соловьев, свящ. Павел Флоренский, С. С. Аверинцев, прот. Александр Мень, И. Ш. Шифман, И. Р. Тантлевский, Д. В. Щедровицкий и др.

Например, даже такая выразительная в своем наименовании работа, как: «Кровь в верованиях и суевериях человечества» (1911), не может быть названа нами удовлетворительной, поскольку автор этого сочинения немецкий протестантский историк-гебраист *Германн Штрак* ставил перед собой только одну задачу: доказать широкой европейской общественности абсурдность «кровавого навета».⁵

По иронии судьбы почти в это же время, в связи с «делом Бейлиса», российский философ и публицист *В. В. Розанов* опубликовал в нескольких периодических изданиях ряд этнокультурных очерков с целью прямо противоположной. Впоследствии эти статьи были сведены Розановым в отдельный том, который вышел в России в 1914 году под общим названием: «Обонятельное и осязательное отношение евреев к крови».⁶

Очевидно, что в своих сочинениях и тот, и другой авторы обращались к языческим и библейским сюжетам определенного типа не как к материалу, заслуживающему самостоятельного научного интереса, а лишь как к средству, с помощью которого можно будет доказать справедливость своих собственных культурологических изысканий.

Не составляет исключения и относительно современная монография *В. В. Савчука* «Кровь и культура» (1995). Речь в ней идет не столько о самом феномене крови и его религиозном осмыслении, сколько о многообразии витальных манифестаций, которые, по мнению автора, в зависимости от обстоятельств, либо создают и развивают человеческую культуру, либо, наоборот, замедляют ее рост и заставляют деградировать. Все они, личные и безличные, индивидуальные и общественные, умозрительные и инстинктивные, этические и этнические, религиозные и бытовые, и прочие объективные жизненные силы, различным образом действующие в человеческой истории, произвольно объединяются этим исследователем в одном понятии-символе. Очевидно, это делается для лаконичности

⁵ См. *Штрак Г. Л.* Кровь в верованиях и суевериях человечества. СПб., 1911.

⁶ *Розанов В. В.* Обонятельное и осязательное отношение евреев к крови. СПб., 1914.

изложения его собственной концепции, которая, также как и названная методология, является довольно спорной, поскольку во многих своих положениях гораздо больше тяготеет к миру реконструированного язычества, нежели к миру библейского Откровения.⁷

Подобные претензии к определенной ограниченности богословского исследовательского кругозора, к счастью, неуместны в отношении современных зарубежных авторов, чьи «библейские» сочинения хотя и не переведены на русский язык, но при этом вполне доступны. Дело в том, что данная проблематика активно разрабатывалась в западном богословии (как христианском, так и иудейском) в течение всего XX века. Достаточно указать на весьма интересные и вполне академичные сочинения таких авторов как: *William Gilders*, *Blood ritual in Hebrew Bible* (1967); *Blood as purificant in priestly Torah: what do we know and how do we know it?* (2010); *Joan Scurlock*, *The Techniques of the sacrifice of animals in ancient Israel and ancient Mesopotamia: new insights through comparison* (2006); *Abusch Tzvi*, *Blood in Israel and Mesopotamia* (2003); *L. A. Hoffman*, *Covenant of Blood* (1996); *Nobuyochi Kiuchi*, *Leviticus* (2007); *M. Douglas*, *In The Wilderness. The Doctrine of Defilement in Book of Numbers* (1993); *Rahel R. Wasserfall*, *Introduction: menstrual blood into jewish blood* (1999) и др. Но, пожалуй, самого большого интереса заслуживает целая серия замечательных работ итальянских

⁷ «Чем острее кризис цивилизации, тем неотвратимее требуется возрождение опыта культуры древних: необходима работа, обратная той, которая привела к кризису... Первопредок был постоянно на грани выживаемости, но при этом находил способы выжить..., именно поэтому архаику необходимо культивировать». *Савчук В. В.* Кровь и культура. СПб., 1995. С. 11. «Отсутствие легальных форм пульсации кровотока отзывается разветвленными «теневыми» каналами течения ее в обществе, подспудно провоцируя драматические формы и внекультурные сбросы создавшегося напряжения, которые сметают на своем пути всю долговременную систему запретов. Запрет кровавых праздников и ритуалов, а также трюков и развлечений на границе жизни и смерти инвестирует перевод фигуры риска из мира реального в воображаемый». С. 39. См. также его высказывания о необходимости легализации архаичных способов использования галлюциногенов в процессе познания мира. *Савчук В. В.* Указ. Соч., С. 156.

ученых, вошедшая в тематические сборники: *Sangue e Antropologia Biblica* (1981) и *Sangue e Antropologia Biblica nella letteratura cristiana* (1983). Автор активно использовал эти и многие другие публикации зарубежных исследователей для лучшего оформления своих собственных идей и гипотез, при этом часто с этими же учеными полемицируя.

Научная новизна исследования. Несмотря на активное цитирование солидных иностранных источников, в представленной диссертации, безусловно, присутствует научная новизна, так как автор не только впервые провел самостоятельное системное исследование, отчасти объединившее предшествующие разрозненные отечественные наблюдения на эту тему, но и потому, что проработанные им зарубежные монографии вовсе не убедили его в том, что данная проблематика уже давно и досконально изучена иностранными специалистами, чьи сочинения просто нуждаются в переводе на русский язык.⁸

Если взглянуть на эту проблему еще шире, то мы увидим, что многочисленные комментарии христианских, иудейских, исламских и светских мыслителей (которые задолго до рождения автора уже трудились в этой области), хотя и заслуживают нашего внимания, все-таки не всегда могут претендовать на исследовательскую завершенность по следующим причинам. Дело в том, что, например, иудейские и мусульманские экзегеты, истолковывая свои традиционные тексты, связанные с кровью, чаще всего, находятся в жестких рамках своего собственного вероучения, что придает их

⁸ Некоторые из этих специалистов, например William Gilders, сами признают условность своих достижений: «Данная работа (*"Кровавый ритуал в еврейской Библии"* – Е. Г.), как культурный артефакт завершена, но мои интересы к затронутым в ней темам далеко не исчерпаны. В своем исследовании я лишь предварительно коснулся большого количества важных вопросов и проблем, что же касается остальных, я должен подчеркнуть, что отсутствие достаточных данных, мешает мне вынести твердый ответ или решение». *Cp. Gilders W. K. Blood ritual in Hebrew Bible. London, 2004. S. VII.*

суждениям определенную доктринальную ограниченность и исключает возможность увидеть предмет с других точек зрения.⁹

В свою очередь христианские святые отцы, активно используя метод, так называемого, прообразовательного (типологического) параллелизма, предлагают для понимания этих же вопросов в основном евангельские и церковные ориентиры, лишая, таким образом, многие ветхозаветные повествования о крови их выразительного самостоятельного значения.

Кроме того, надо признать, что знаменитый "consensus patrum" присутствует в святоотеческих сочинениях, как правило, лишь тогда, когда обсуждаемые отцами темы напрямую связаны с христианской догматикой. В границах «Символа Веры» мы действительно сталкиваемся с патристическим единомыслием, но как только эти границы исчезают или становятся нечеткими, экзегетические комментарии авторитетнейших исследователей Священного Писания могут быть очень несхожи.¹⁰ Именно поэтому мы убеждены, что многочисленные исторические толкования библейских фраз и сюжетов, в которых кровь упомянута особым концептуальным образом, у тех или иных категорий исследователей, и по сей день нуждаются в существенном уточнении и дополнении.

Источниковая база исследования. В основной части диссертации для цитирования выделенных тематических фрагментов использовался синодальный перевод Библии (СП), который постоянно сверялся автором с массоретским текстом (МТ), а также целым рядом современных переводов

⁹ См. Fish S. *Is There a Text in This Class? The Authority of Interpretive Communities*. Cambridge, 1980. Rubinacci R. *Il sangue nell Islam. Sangue e Antropologia Biblica*. Т. 1, Roma, 1981. Цитаты из указанных сочинений можно найти в основном тексте диссертации на *стр. 9–10*.

¹⁰ Ряд показательных примеров на эту тему автор включил в *Приложение N 3*, Недогматическая патристика: экзегеза Быт. **4:** 10–11 и Быт. **9:** 2–6. См. *стр. 228–239* основного текста диссертации.

выполненных с МТ на русский и некоторые другие европейские языки.¹¹

В случае констатации значительных экзегетических разногласий в трудах авторитетных комментаторов Священного Писания по поводу конкретного библейского сюжета или предписания, автор всякий раз стремился выяснить не связано ли названное разномыслие с имеющимися различиями между массоретским текстом, переводом Семидесяти (LXX) и Вульгатой (XLIII); при этом для каждого тематического отрывка, введенного в основной текст диссертации, текстологический анализ, включающий сопоставление основных переводов данного места друг с другом, не осуществлялся.¹²

Основные положения диссертации, выносимые на защиту:

- Этимологический анализ ключевого диссертационного термина, который помимо Священного Писания зафиксирован в

¹¹ **Библия.** Книги Священного Писания Ветхого и Нового Завета, в русском синодальном переводе с приложениями, Издательство «Жизнь с Богом», Брюссель, 1983.

Библия. Книги Священного Писания Ветхого и Нового Завета на церковнославянском языке с параллельными местами, РБО, М., 2005.

Biblia Hebraica Stuttgartensia / Deutsche Bibelgesellschaft, Stuttgart 1967/77.

Пять книг Торы (*Билингва*), пер. Давида Йосифона, Иерусалим, 1978.

Тора. Пятикнижие и гафтарот. Ивритский текст с русским переводом и классическими комментариями «Сончино», Москва-Иерусалим, 1999.

Septuaginta / Перевод книг Ветхого Завета на греч. язык. Германское БО, 1979, – LXX, Репринт 1935 (изд. A. Rahlfs). 1126 с.

Biblia Sacra Vulgata / Перевод Священного Писания на лат. язык. Издание под ред. R. Gryson, F. Fischer, H. Fred, H. Sparks, W. Thiele. / Германское БО, 1983, – XLIII, 1980 с.

La Sacra Bibbia / Перевод Священного Писания на итальянский язык, CEI, Roma, 1974.

¹² Во-первых, в этом нет никакой необходимости, если анализ косвенных источников подтверждает смысловую однородность изучаемого библейского фрагмента (см. похожую аргументацию А. Десницкого на стр. 82, ссылка 212 основного текста диссертации), а во-вторых, такое сопоставление чрезвычайно бы увеличило объем и без того пространного сочинения.

письменности целого ряда библейских народов, не позволяет нам обнаружить некие универсальные представления, которые бы лежали в основе различных этнических наименований крови.

- У неавраамических народов кровь – и в мифологии, и в ритуале, и в повседневной жизни – осмысливается по-разному. Для большинства древних этнических групп она либо «божественна», либо специфически «нечиста», либо мировоззренчески «нейтральна», что свидетельствует о явной противоречивости ее местного регионального восприятия.

- Материя крови в прямом смысле – есть вещество равное самому себе, и поэтому многочисленные культурно-исторические попытки наделить эту субстанцию какими-то иными онтологическими признаками, кроме тех, которыми она обладает в силу своей природной устроенности, являются, по мнению автора, спекулятивными. В этом плане, в Библии феномен крови всегда выступает некоей оппозицией надуманной метафизике язычества.

- Физическая кровь может быть связана с невещественной человеческой душой единственно метафорически. Вместе с тем эта связь в библейском тексте носит четко выраженный провиденциальный характер.

- Божественный запрет на бытовое неритуальное употребление крови назван в Пятикнижии «установлением вечным» (*Лев. 3: 17*) в таком же условном смысле, что и другие «вечные» предписания Торы, впоследствии отмененные или переформулированные по велению самого же Творца (*ср. Исх. 20: 5–6; Втор. 24: 16; Иез. 18; Быт. 17: 13; Гал. 6: 15; Лев. 3: 17; Деян. 10: 15*).

- Ветхозаветные постановления о «ритуальной нечистоте», по мнению автора, должны быть разделены на две смысловые группы в зависимости от присутствия в каждом конкретном примере морального начала. Другими словами, «скверна», упомянутая в Пятикнижии в связи с нравственными грехами, должна отличаться исследователями от «скверны имитационной» – этически нейтральной. Последняя, во всех известных автору случаях носит несомненно условный характер.

● У библейских представлений о крови, содержащихся в Пятикнижии Моисея нет единого смыслового центра, объясняющего многочисленные случаи ее ритуального использования. Восприятие данной субстанции изначально дифференцировано, вследствие чего каждый отдельный эпизод с упоминанием крови необходимо понимать самостоятельно.

● Для Ветхого Завета кровь – являлась оптимальным веществом-символом, с помощью которого *Яхве* доносил до сознания израильтян свои сотериологические замыслы и оценки.

● В обычных условиях физическая кровь всегда остается кровью, но ее внутренние энергетические свойства, по видимому, сильно возрастали в тех случаях, когда в процессе ветхозаветных ритуальных действий с ее материальной основой соединялся Божественный Дух.

Апробация результатов исследования. Основные положения диссертации регулярно обсуждались на заседаниях библейской кафедры и профильных семинарах, проходивших в Санкт-Петербургской духовной академии.

Фактический материал, собранный в работе, а также некоторые исследовательские выводы, неоднократно использовались автором для написания научных статей, выступлений на конференциях,¹³ преподавательской деятельности,¹⁴ а также в рамках многочисленных телевизионных передач и радиолекториев.¹⁵

¹³ Например, в ходе работы XIII Свято-Троицких ежегодных международных академических чтений, проходивших в РХГА (*СПБ, 2013*), а также в ходе деятельности XXVII Международной научно-практической конференции: «Личность. Общество. Образование», организованной ЛОИРО (*СПБ, 2014*).

¹⁴ В рамках ежегодного курса «Введение в Священное Писание Ветхого и Нового Завета», преподаваемого студентам бакалавриата СПбДА с 2010 года по настоящее время.

¹⁵ См. например, цикл бесед о Библии (толкование книг «Бытие» и «Исход»), прочитанный и записанный на радио Санкт-Петербургской митрополии «Град Петров» (*СПБ, 2013–2015*), а также цикл выступлений на библейские темы в рамках духовно-просветительского телепроекта «Слово» (*СПБ, 2013–2015*).

II. СТРУКТУРА И СОДЕРЖАНИЕ ИССЛЕДОВАНИЯ

Диссертация состоит из введения, трех различных по объему и содержанию глав, заключения, шести тематических приложений и списка использованной литературы.

Во **«Введении»** представлены обоснования необходимости изучения выбранной темы, определены цели и задачи исследования, дана характеристика сочинений предшественников, обращавшихся к подобной проблематике, перечислены методологические подходы и базовые источники, использованные автором в процессе написания диссертации.

Глава первая: «Кровь в лингвистическом аспекте» посвящена изучению феномена крови, отраженного и зафиксированного в языковых культурах выдающихся библейских народов. В данном разделе представлен этимологический анализ основного диссертационного термина, который в различных лексических формах и значениях содержится в исторической письменности древних шумеров, ассирийцев, вавилонян, хеттов, иудеев, греков и римлян.¹⁶ В конце главы автор делает вывод, что научный лингвистический анализ основного термина не позволяет исследователю обнаружить унифицированные представления о религиозно-культурном статусе крови в языковых традициях выдающихся народов Библии.

В главе второй «Кровь в язычестве» автор описывает и анализирует восприятие феномена крови народами, не

¹⁶ Почему только «выдающихся народов»? Во-первых, потому что таков их библейский статус. Но есть и другая, также близкая автору аргументация: «Мы не должны искать следов глубокой древности (и глубокой мысли) в народностях мелких, разрозненных. Мы можем принимать от них данные, как средство вспомогательное, но в то же время должны помнить, что указания истинные и богатые могут быть найдены только в племенах могучих и многочисленных». *Ср. Хомяков А. С. Записки о всемирной истории. М., 1904. С. 469.*

принадлежащими к религиям авраамического круга. Многочисленные региональные типовые сюжеты разделены в этой части исследования на несколько самостоятельных тем:

- анализ языческой мифологии,
- анализ кровавого языческого ритуала,
- анализ определенных социо-культурных действий, в которых кровь упоминается в качестве ключевого символа.

В итоге, приведенные и прокомментированные данные позволяют автору утверждать, что всякая «живая кровь» воспринималась многими архаичными народами не только как органичная часть их собственного естества, но и как таинственная метафизическая субстанция, символически выражающая определенные религиозные идеи о национальных божествах, космосе и нравственном содержании миропорядка. В этом качестве физическая кровь с полным основанием может считаться одним из самых распространенных культурных символов самых непохожих языческих мировоззрений.

Однако историческое оформление подобного статуса носило, скорее всего, длительный эволюционный характер. Будучи самостоятельной смысловой единицей в традиции небиблейских жертвоприношений, кровь знаково фигурирует и в других областях языческой жизни, что, по мнению автора, вполне закономерно, поскольку с течением времени кровь начинает занимать в архаичных культурах все новые «смысловые пространства».¹⁷ Кровавые клятвы, кровавые инициации, самые различные виды не только индивидуальных, но и общественно-политических запретов, так или иначе связанных с кровью, были хорошо известны многим народам древности. Мистическое восприятие крови сообщало драматургию культовой практике большинства языческих религий, а магические представления о силе крови становились

¹⁷ Чем ближе к первоисточкам какого-либо культурного явления, тем проще оно в своем непосредственном восприятии и в своем традиционном осуществлении; и наоборот, чем дальше некий феномен от своего первоначального семантического статуса, тем сложнее процесс его практического применения и теоретического истолкования.

весомой составляющей, как для абстрактных, так и для многих вполне реальных сторон человеческой жизни.¹⁸

Последний вывод, к которому приходит автор в этой главе, связан с тем, что языческая символика крови не только многофункциональна и полисемантическая, но и противоречива. Констатация смысловой неоднородности – и в мифологических идеях, и в сакральных обрядах, и в практических способах языческого отношения к данной субстанции – позволяет автору утверждать, что у многочисленных небиблейских представлений о смысле и назначении крови нет общего «культурного знаменателя». Констатировать подобные факты было бы невозможно, а формулировать подобные выводы было бы опрометчиво, в случае действительного присутствия в биологическом веществе крови некоего священного метафизического начала или, наоборот, реальной метафизической «скверны», которые ощущались бы всеми людьми независимо от их религиозных убеждений, половой принадлежности, возраста и тем более региона проживания.

Глава третья, «Кровь в Пятикнижии», будучи основной и самой объемной главой диссертации, включает в себя несколько самостоятельных частей, каждая из которых соответствует одной из пяти книг Торы. Методику изложения материала, представленного в этой главе, автор назвал «экзегетически-избирательной» в виду того, что счел необходимым подробно проанализировать лишь наиболее содержательные фрагменты, связанные с кровью в указанном источнике. Окончательные **авторские выводы** следующие.

У ветхозаветных представлений о крови, содержащихся в Пятикнижии Моисея, помимо общеизвестных и объективных биологических характеристик, есть еще и свое, специфически-

¹⁸ В качестве выразительного и чрезвычайно действенного символа кровь в языческих обществах была: «и условием социальной стратификации, и главным регулятивом родственного наследования, и универсальной мерой платы и расплаты..., а также способом ритуального закрепления договоров». *Ср. Савчук В. В. Кровь и культура. СПб., 1995. С. 28.*

библейское символическое измерение. В пространстве последнего «живая кровь» обладает чрезвычайной функциональной широтой и семантической неоднородностью. Отсюда и специфика различных интерпретаций этого феномена.

Поскольку в указанных текстовых рамках термин *md** (**dām**) невероятно нагружен переносными значениями, многие комментаторы Священного Писания неоднократно пытались свести все эти значения к единой концептуальной основе. Они стремились сформулировать такую универсальную теорию крови, которая, по их мнению, достоверно объясняла бы: во-первых, все библейские события, в которых данное вещество акцентировано упоминается, во-вторых, все манипуляции с этим веществом в древнеизраильском культе и, наконец, все те священные запреты Пятикнижия, которые, так или иначе, были связаны именно с кровью.

Автор диссертации выступает противником подобных попыток, поскольку все этнокультурные обрядовые действия (религиозные же в особенности), как правило, представляют собой различные типовые символы, наделенные, по меньшей мере, несколькими уровнями значений (*ср. Быт. 3: 14 и Мф. 10: 16*). Следовательно, мы должны говорить не о единственном или ключевом понимании названного феномена, а, по возможности, обо всех имеющихся в Торе значениях, которыми кровь наделялась в различных контекстах и, очевидно, с различными целями.¹⁹ Далее автор перечисляет все обнаруженные им **значения.**

Уже **книга Бытия**, кроме описания крови со стороны ее внешних «заявленных» функций, сразу же вводит нас в круг ее

¹⁹ Здесь автор вполне солидарен с многочисленными антропологами и теоретиками архаичных ритуалов, которые формулировали свои концепции, так или иначе, сопрягая их с библейским повествованием. *См. Kertzer D. I. Ritual, Politics and Power. New Haven: Yale University Press, 1988. S. 9, 11; Bell C. Ritual Theory, Ritual Practice. New York: Oxford University Press, 1992. S. 67–168; Jay N. Throughout Your Generations Forever: Sacrifice, Religion and Paternity. Chicago. 1992.*

неявных, скрытых семантических свойств и дополнительных символических коннотаций.

Например, в рассказе о «смерти Авеля» (*Быт. 4: 10–11*) переносные значения термина *dam* доходят до читателя через образы греха, убийства, неизбежности возмездия, меры ответственности, семейного единства, возводимого к единству человеческого рода, а также возможного способа ограничения жестоких братских противостояний.

В сюжете, описывающем «завет Бога с Ноем» (*Быт. 9: 3–6*) кровь символизирует уже другие идеи, а именно: наиболее распространенный в культуре принцип дееспособного биологического существования, персональную принадлежность к творению, концепцию утраченной гармонии между человеком и мирозданием, воспитание потенциальных преступников страхом неотвратимой родовой мести.

В рассказе о получении патриархом Авраамом заповеди «обрезания» (*Быт. 17: 9–14*) кровь, вытекающая из органа, передающего жизнь, могла символизировать: посвящение Богу жизни, принятой от Него как благой дар, признательность Создателю за родовое бессмертие в виде специфической личной жертвы и, наконец, полемическое умонастроение древнего совершителя этого национального обряда

В книге **Исход** ритуальная сторона использования крови начинает преобладать над событийной, однако, в некоторых текстах обе тенденции практически сливаются.

Например, в таинственном эпизоде, условно названном нами «жених крови» (*Исх. 4: 24–26*), явно присутствует и то, и другое. Кровь здесь (как, впрочем, и «плоть»), скорее всего, является чрезвычайной жертвенной мерой в чрезвычайных же личностных обстоятельствах.

В истории с «первой египетской казнью» (*Исх. 7: 17–22*) кровь становится неметафорической частью сверхъестественного религиозного обучения, цель которого – опровержение языческих идеалов Древнего Египта и созидание

мировоззренческого национального фундамента для истинного богопочитания.

В описании первой ветхозаветной Пасхи (*Исх. 12: 1–13*) кровавые манипуляции указывают на фактически заместительный, но при этом, ярко выраженный мессианский характер данного события, и эти же действия становятся недвусмысленным знаком иерархических общественных привилегий.

В эпизоде, получившем название «кровь подкапывающего» (*Исх. 22: 2–3*) субстанция крови выступает в качестве четкого синонима человеческой жизни, и одновременно в виде символа дифференцированной ответственности конкретного лица за ее вариативное истребление.

Заповедь, противопоставляющая квасное вещество жертвенной крови (*Исх. 23: 18*), связана с обстоятельствами празднования первой еврейской Пасхи. «Конфронтация» крови и квасной материи может быть аргументировано опознана исследователями не как онтологический, а только как педагогический принцип. Это и другие похожие правила учили древних иудеев благоговению перед святыней, доступ к которой оказывался возможен только при соблюдении ряда условных запретов. В данном случае условием осуществимости пасхального ритуала (кроме всего прочего) был назначен отказ от квасного.

Кровь, упомянутая в церемонии «заключения Завета» (*Исх. 24: 4–8*) впервые выступает в качестве культового вещества для всего израильского общества (для «народа собранного в одном месте»), при этом манипуляции с кровью выделяют Моисея как ритуального «специалиста», пророчески направляющего деятельность остальных своих соплеменников. Кропление кровью жертвенника и народа констатировало мистическую связь между *Яхве* и Его людьми, а также литургическую связь израильтян друг с другом. Как и в некоторых предыдущих случаях, в этом тексте очевиден типологический параллелизм происходящего.

Кровь, фигурирующая в чине поставления ветхозаветных священников (*Исх. 29: 10–12, 15–16, 19–21*), символизировала выделение Аарона и его сыновей из общенародной израильской массы с целью указать на них как на преимущественных служителей святости Божией; правда она же, пролитая после «покаянного руковозложения», подчеркивала естественную греховность тех, кто был избран на это служение не за свои личные качества, а лишь потому, что божественная педагогика имела нужду в этом виде человеческой деятельности. В этом же отрывке (впервые в библейской истории) кровь выступает в значении «рукотворной святости», поскольку становится таковой не по изначальному материальному составу или природным свойствам, а лишь вследствие невинных страданий приносимого в жертву существа, смерть которого и наделяет эту субстанцию определенной символической святостью. И, наконец, в этом же «чине» кровь разного вида животных (равно как и кропление ею в течение неодинакового времени различных предметов, вещей, а также определенных частей человеческого тела) символизирует различие степеней освящения и по предписанной культовой необходимости, и по предполагаемым экзегетам функциям.

В книге **Левит** эксклюзивные кровавые ритуалы практически полностью вытесняются ритуалами ежедневными и всеобщими.

В отрывке, который назван автором «кровь и жертвенник всесожжения» (*Лев. 1: 1–9*) вещество крови присутствует в значении материального способа восстановления духовной связи.

Фрагмент, иллюстрирующий воздействие жертвенной крови на согрешившего первосвященника связан с особым видом обрядовой тактильности (*Лев. 4: 1–7*). По мнению автора, кровь фигурирует в этом ритуале, в том числе, и в качестве внешнего материального усилителя для скрытых индивидуальных переживаний покаянного характера.

Постановление о крови и туке животного (*Лев. 7: 22–27*) передает идею иерархичности табуированного.

Объяснить сущность закона «о крови израильской роженицы» (*Лев. 12: 1–8*) в связи с обычным и «двойным» сроком ее ритуального очищения, едва ли возможно без сопряжения данной ветхозаветной практики с историей и последствиями грехопадения.

Кровь в обряде очищения прокаженного (*Лев. 14: 1–20*) выступает в нескольких качествах. Во-первых, будучи жертвенной кровью одной из двух птиц, она символически отделяет, бывшего прокаженного от той ритуальной нечистоты, в которой он до этого пребывал. Во-вторых, помазанные жертвенной кровью правые части тела очищаемого символизируют его возвращение к легитимности звания представителя народа Божия. И наконец, в самом конце ритуала кровь присутствует как вещество искупления за совершенный человеческий грех.

Кровь в законе о «женщине, страдающей очищением своим» (*Лев. 15: 19–33*) или попросту менструальная кровь, не должна представляться христианским исследователям Пятикнижия «нечистой» в онтологическом смысле. По большей части, данные предписания были призваны воспитывать у древних израильтян трезвую систему оценок собственного дифференцированного несовершенства, не смешивая эти познания с похожими убеждениями язычников. Возможно, законы о ритуальной нечистоте менструального кровотечения выполняли крайне необходимую для того времени демографическую функцию.

Строжайший запрет на поедание крови в связи с присутствием в ней «души» (*nefesh*) в контексте *Лев. 17: 10–14*, позволяет говорить об этом термине только как об устойчивом синониме биологической жизни или «жизненной силы». Бог запрещает посягать на любую кровь (то есть на чью-то жизненную суть) во всех случаях, кроме предписанных Торой жертвоприношений. Этот же отрывок свидетельствует о духовных очистительных возможностях, которыми, по

повелению *Яхве*, наделялась кровь жертвенного израильского культа.

В тексте *Лев. 19: 26* употребление крови в пищу приравнивается к типовому языческому оккультизму. Возможно, это делается в воспитательных и полемических целях.

В отрывке, посвященном злоупотреблениям в области половой морали (*Лев. 20: 15–16*) выражение «кровь их на них» означает констатацию того, что ответственность за вынесение и приведение в исполнение смертного приговора по мистическим причинам полностью ложится на *всех* согрешивших.

В книге **Чисел** объем концептуальных тематических отрывков связанных с кровью существенно сокращается, и, тем не менее, их символическое содержание добавляет ряд выразительных особенностей в общий перечень скрытых значений изучаемого предмета.

Кровь (и пепел) «рыжей телицы» (*Чис. 19: 1–10, 13–20*) были таинственным прообразовательным средством (*ср. Евр. 9: 13–14*), очищающим древнего иудея от максимальной степени ритуального осквернения, – прикосновения к мертвому человеческому телу.

Феномен библейского «мстителя за кровь» (*Чис. 35: 9–13; ср. Втор. 19: 5–13*) существенно отличается от аналогичных явлений у древних язычников. Кроме того, практика общественной мести, связанная с представлениями о крови, как о самостоятельной карающей силе не имеет под собой никаких логических или сверхъестественных оснований.

В отрывке, повествующем о крови, которая «оскверняет землю» (*Чис. 35: 33*) присутствует – без всяких существенных противоречий – как рациональная, так и мистическая составляющая.

Книга Второзаконие содержит некоторые фактические отличия в упоминании предписаний, первоначальный вариант которых содержится в других текстах Торы. По мнению автора,

это обстоятельство связано со значительными историческими переменами в национальной жизни Израиля.

Отрывок, посвященный правилам обращения с кровью не принесенных в жертву животных (*Втор. 12: 13–16*) является частью более общего разговора о принципах истинного религиозного поклонения. Здесь же говорится и о том, что физическая кровь закланного в бытовых условиях животного проходит через определенную практическую метаморфозу, в соответствии с которой архаичная обязанность покрывать кровь землей теперь отменяется.

В сюжете *Втор. 12: 20–25* кровь вновь подчеркнута наделяется уникальной характеристикой: «*кровь есть душа: не ешь души вместе с мясом*»; но при этом по ходу данного предписания кровь неожиданно соотносится с обычной водой. Кроме того, в отличие от параллельного места в книге Левит, вместо привычной угрозы истребления нарушителя данной заповеди, в данном повествовании, впервые звучит тема одной лишь награды.

В отрывке *Втор. 12: 26–27* присутствуют общие указания на типовое различие ветхозаветных жертвоприношений с точки зрения их практического ритуального осуществления. В названном эпизоде кровь, взятая участниками обряда не из ритуала жертвы всесожжения, должна утилизироваться у основания жертвенника.

Фрагмент, описывающий написание Моисея о должном отношении ко всему первородному (*Втор. 15: 19–23*) включает и правила забоя первородных животных с имеющимися недостатками; таковые могут быть закланы и использованы в пищу обычным способом, но при этом кровь данных животных (которая и в этом случае «как вода») все равно должна быть слита.

На основе вышесказанного можно убедиться, что для различных контекстов Пятикнижия существует большое количество несхожих переносных значений и символических функций крови, которые, так или иначе, отражают

концептуальные грани изучаемого нами явления. Естественно предположить и необходимую дифференциацию главных целей, во имя которых названный феномен и включил в себя столь широкое смысловое и функциональное поле.

Автор убежден, что эти **цели** в самой сути своей едва ли являются частью предвечного божественного замысла, скорее наоборот, библейское «богословие крови» – есть вынужденная сотериологическая реакция Создателя на «рукотворное» несовершенство земной жизни. Кровь выбрана мультивалентным символом этой реакции, по всей видимости, абсолютно условно (*ср. Быт. 3: 19; Мф. 16: 17; Ин. 1: 12–13; 1 Кор. 15: 50*), но отнюдь не случайно (*Ин. 1: 14; 6: 53–56; 1 Петр. 1: 18–19; Отк. 12: 11; 19: 13*).

В чем же причина ее особой, хотя бы и временной статусности? На наш взгляд, обычное биологическое вещество, в своей химической основе ничем не отличающееся от любого другого сотворенного вещества, выбрано Богом в качестве одного из центральных ветхозаветных символов сразу по нескольким причинам.

1. Хотя кровь и сопоставима по своей значимости для человека и с водой, и с пищей, и с воздухом, – она все же имеет определенное смысловое преимущество. Каждый из перечисленных элементов мог бы совершенно обосновано получить соответствующую богословскую «нагрузку», но при этом все же не имел бы столь органичного семантического воплощения, как это произошло в случае с кровью. Что имеется в виду? Поскольку концептуальное использование образа крови в библейской культуре практически всегда связано с человеком и его деятельностью, то и материал для божественной педагогики потребовался наиболее синонимичный нынешнему человеческому статусу. Хлеб и вода, бесспорно, обладают для людей исключительной важностью, но по отношению к нашему естеству они выглядят все же внешними. Воздух для стабильной жизнедеятельности человеческого организма в десятки раз важнее и пищи, и питья, и крови вместе взятых, но поскольку он невидим, многозначное использование этого символа в Библии

существенно затруднило бы Высшую дидактику. Следовательно, приходится признать, что для Ветхого Завета именно кровь являлась тем оптимальным образом-символом, с помощью которого *Яхве* доносил до сознания израильтян свои сотериологические замыслы и оценки.

2. В качестве оптимального символа кровь весьма доходчиво передает множество самостоятельных библейских идей, однако, некоторые из них носят совершенно особый фундаментальный характер. Например, кровь часто выражает в Пятикнижии идею непреходящей значимости тварной биологической жизни, – жизни, которая, естественно, должна соотноситься с Творцом жизни. Только Он имеет право и возможность давать ее или забирать. Кровь, как символ средоточия такой жизни, после грехопадения дидактически освящается Богом и табуируется. Таким образом, жизнь творений авторитетно доктринально защищается от любого самовольного несанкционированного умерщвления и, следовательно, проливающий чью-то невинную кровь, становится не только общественным, но и религиозным преступником.

Но эта же концепция «крови-жизни» плавно переходит в Пятикнижии Моисея в концепцию богослужебного ритуала, в пространстве которого предыдущая логика духовного рассуждения (помноженная на священный императив) открывает сознанию верующих совершенно новую смысловую грань указанного соотношения. Речь идет о кровавом жертвоприношении. Всякая жизнь принадлежит Богу; кровь, как ее главный вещественный атрибут, тоже. Умертвить жизнь – пролить кровь только в своих собственных интересах – кощунство. Пролить ее во имя Всевышнего, напротив, священнодействие.²⁰ Отнимающий чужую жизнь по произволу,

²⁰ Даже казнь взбунтовавшихся единоплеменников и собственных родственников не становится исключением, ибо осознается исполнителями как искупительная жертва: *«И стал Моисей в воротах стана, и сказал: «Кто Господень, иди ко мне!» И собрались к нему все сыны Левиины. И он сказал им: «Так говорит Господь, Бог Израилев: “Возложите каждый свой меч на бедро свое, пройдите по стану от ворот до ворот и обратно, и убивайте*

присваивает себе функции Творца. Отдающий чужую жизнь Творцу в виде жертвенной крови, признает Его абсолютную власть и права собственности на все живое. Сознательное убийство – акт богоборчества (*ср. Быт. 4: 9*); сознательное жертвоприношение – символ смирения (*ср. Быт. 22: 1–18*). Поэтому кровь в соответствующих эпизодах Торы является фактической иллюстрацией к библейской концепции «биполярных ценностей». Суть данной концепции в том, что одно и то же действие (в данном случае соприкосновение человека с кровью в результате отнятия им чьей-то жизни) может быть абсолютно различным по своему духовному, религиозно-нравственному восприятию.²¹

Учитывая сказанное, можно уверенно констатировать некую смысловую закономерность, наблюдаемую нами в различных ветхозаветных событиях и предписаниях: табуированное вещество крови, жертвенно отданное во имя Высшей ценности, становится иным по своему религиозному статусу, поскольку весь предыдущий запрет на ее ментальное восприятие аннулируется. Подлинная жертва «нейтрализует» первоначальное табу. Кровь из условно запрещенной (оскверняющей в определенных обстоятельствах и человека, и

каждый брата своего, каждый – друга своего, каждый – ближнего своего“. И сделали сыны Левиины по слову Моисея: и пало в тот день из народа около трех тысяч человек. Ибо Моисей сказал им: «Сегодня **посвятите руки ваши Господу**, каждый в сыне своем и брате своем, да ниспошлет Он вам сегодня **благословение**» (*Исх. 32: 26–29*). См. также на соответствующее поведение Финееса (*Числ. 25: 6–11; Пс. 105: 30*). И, конечно же, субординация жертвенных мотивов и поступков Ветхого Завета имеет высшим своим образцом жертву собственной кровью или отказ от своей собственной жизни во имя *Яхве*. Эта иерархия хорошо известна, и может быть сведена всего лишь к нескольким положениям. Итак, жертвой может стать:

- животное за грех человека (*Лев. 5: 6*),
- один человек за грех другого человека (*Суд. 11: 30–39*),
- человек за самого себя (*2 Мак. 6: 30*).

А дальше? Дальше остается последняя и самая высшая ступень жертвоприношения, Ветхому Завету еще неизвестная (*ср. Ин. 3: 16*).

²¹ *Ср.* это с разницей восприятия человеком тварного мира «до» и «после» грехопадения (*Быт. 2: 9; 3: 6*) или с разницей в отношении к Евхаристии (*Ин. 6: 54; 13: 27*).

среду его обитания) становится *условно* святой (освящающей души, тела, предметы, мистически соединяющей людей и Творца в церемонии заключения Завета). Наделить подобной содержательной символикой какое-то другое вещество в надежде на похожий мировоззренческий отклик было бы гораздо сложнее.

3. Третий авторский вывод связан с тем, чем физическая кровь не является. Выше уже говорилось, что кровь была выбрана в качестве мультивалентного сотериологического символа, скорее всего, вынужденно, и значит, условно; но о какой условности идет речь?²² В данном случае – о семантической условности для «неморальных запретов» Пятикнижия (например: об отношении к крови как к особой сверхъестественной субстанции или об отношении к крови роженицы, менструальной крови в целом, или об отношении к крови, присутствующей в животной пище и т. д.). Все это связано с провиденциальным воспитательным процессом, в котором: *«Божественный Педагог намеренно делит мир морально нейтрального на «святое» и «скверное», «чистое» и*

²² Когда в нашем исследовании в связи с темой крови звучит термин «условно» следует уточнить, что с богословской точки зрения существует сразу же несколько вариантов его самостоятельного понимания. Первая «условность» связана с общим эсхатологическим взглядом на кровь, как на субстанцию, подлежащую конечной метаморфозе вместе с другими ключевыми элементами падшего мира (ср. Ис. 11: 6–8; 1 Кор. 15: 51; Отк. 21: 1). Как известно: *«плоть и кровь Царства Божия не наследуют»* (ср. 1 Кор. 15: 50); и даже если понимать это апостольское выражение метафорически, нам все равно трудно представить в обновленной человеческой природе кровь в том же виде и с теми же функциями, что и раньше (ср. Отк. 21: 23). И поскольку ее концептуальное упоминание, как мы уже предположили в самом начале наших комментариев, связано с продолжающимся грехопадением, очевидно, что конечное эсхатологическое преодоление греха превратит метафизическую составляющую данной темы в преодоленный эпизод человеческого прошлого (ср. стр. 71). Другая «условность» есть та, о которой в Библии говорится в связи с сакраментальными целями Божественной педагогики (ср. Деян. 10: 15).

«нечистое» с тем, чтобы научить израильтян иерархическому восприятию действительности».²³ Другими словами, настоящая «скверна», порождаемая личным человеческим грехом, не равна в Пятикнижии «скверне имитационной», несмотря на то, что символика крови присутствует в описании того и другого. По мнению автора, так происходит потому, что первый тип «скверны», в отличие от второго, не нейтрален этически; то есть императив: «*будьте святы, не убивая (не проливая крови) напрасно*», все же существенно отличается от другого, явно условного: «*будьте святы, не дотрагиваясь до нечистого (кровоточащего) ближнего*» (ср. *Мр. 7: 15–23; Лук. 10: 30–34, 37*).

Автор считает, что данный вывод нельзя опровергнуть даже теми стихами Торы, в которых фактически настаивается на «вечности» осуществления многих, именно, «неморальных кровавых постановлений» (ср. *Исх. 12: 14–17; Лев. 3: 17; 16: 31; 23: 14*). Помимо некоторых новозаветных «доказательств» (ср. *Деян. 10: 15*) мы можем аргументировать свое отношение к подобной «библейской неизменности» весьма рационально и при этом вполне корректно. Во-первых, фразы типа: «это постановление вечное в роды ваши» можно истолковать как заповеди, адресованные «на все времена» одним лишь иудеям.²⁴ С другой стороны, автор убежден в том, что даже для архаичного иудейского наблюдателя была очевидна определенная этическая и ритуальная поступательность, которую *Яхве* демонстрировал Израилю на протяжении многих веков его истории. Следовательно, то, что в один период авторитетно предписывалось как «вечное» и «неизменное», а затем, спустя несколько столетий, столь же авторитетно менялось на нечто другое, во многом изменившееся, не может

²³ См. стр. 122 основного текста диссертации.

²⁴ И в этом смысле, любой современный израильтянин, не исповедующий Евангелие, может спокойно считать себя принципиально обязанным неукоснительно соблюдать все перечисленные нормы, без малейшего их изменения, что называется, «из рода в род».

быть оценено экзегетами как «вечное» в прямом смысле этого слова.²⁵

4. И наконец, наш заключительный вывод касается, так называемых, очистительных свойств ветхозаветной жертвенной крови. Для христиан эти свойства тоже являлись ритуально-прообразовательными и значит, временными (*ср. Евр. 9: 9–14*), но при этом они не были имитационными. Мы убеждены, что воздействие Святого Духа на любую материю меняло (и продолжает менять) ее природные свойства. В доевангельский период самой значимой материей для такого типа воздействия была выбрана «живая кровь». Обычная кровь всегда соответствует себе самой, но ее внутренние энергетические свойства, по видимому, сильно возростали в тех случаях, когда в обряде жертвоприношения с ней соединялся Божественный Дух.

В заключении представлен окончательный итог всего исследования. Автор кратко излагает все, что он выяснил о библейском феномене крови, исходя из общего плана своей диссертации.

Приложения, помещенные автором в конце работы, представляют собой шесть самостоятельных информационных разделов, каждый из которых косвенно связан с главной темой диссертации. Суммарный объем приложений (около 100 стр.) составил почти половину общего объема исследования. По разным причинам все эти материалы не вошли в основной текст исследования. Ниже представлен их полный тематический перечень.

I Кровь и научное знание.

II «Предпосылочная феноменология» и библейская герменевтика.

²⁵ На наш взгляд можно уверенно настаивать на том, что постепенное вхождение в смысл всецелой Божественной воли наблюдалось в Израиле задолго до «Нагорной проповеди» (*ср. Исх. 20: 5–6; Втор. 24: 16; Иез. 18*).

III Недогматическая патристика: экзегеза Быт 4: 10–11 и Быт 9: 2–6.

IV Кровь в современных лингвистических исследованиях.

V Кровь как самостоятельный элемент в языческой мифологии.

VI «Скверное» в книге Левит. Критика основных концепций.

Статьи автора, опубликованные в ведущих рецензируемых научных журналах, входящих в перечень рекомендованных ВАК:

1. *Горячев Е. Г. прот.*, Кровь или видимость крови. К вопросу о буквальном и метафорическом понимании первой египетской казни (Исх. 7: 17–22) // *Христианское Чтение*. 2014. N 2. С. 244–250.
2. *Горячев Е. Г. прот.*, Феноменологический метод познания и библейская герменевтика: откорректированный союз или непреодолимое противоречие? // *Христианское Чтение*. 2016. N 2. С. 224–236.

Публикации в сборниках международных конференций:

1. *Горячев Е. Г. прот.*, «Крест – хранитель вся вселенная» // *Petra Philologica*, Литературная культура России XVIII века, выпуск 6, СПб., 2015. С. 583–594.
2. *Горячев Е. Г. прот.*, «Скверное» в книге Левит. Критика основных концепций» // *Сборник материалов XIII Свято-Троицких ежегодных международных академических чтений в РХГА*. СПб, 2013.
3. *Горячев Е. Г. прот.*, «Метафизика человеческой речи. Библейские основания разумной словесности: культурная укорененность и педагогическая перспектива» // *Сборник материалов XXVII Международной научно-практической конференции: «Личность. Общество. Образование» в ЛОИРО*. СПб, 2014.